

хатель, но это несерьёзно, а с тобой всё надёжно, основательно и надолго, и замолчала, не дёргая ни в какую сторону, а ожидая от него руководства, он же мужчина, она же женщина, вот на мужчину и надо всё навалить, а ему и ноша легка, взять и пойти в её квартиру, а там и тётка помрёт, можно съехаться, кабинет у него будет, халат, всё обеспечено, но а жена, жена от него отдохнёт, будет рада, сдружится с нею, в ней вернулась к нему молодость жены, красота и спокойствие, а не эта измученность и задёрганность, в ней, берущей на себя тяготы жены; куда денешься — мужчина прост по своему строению и беспомощен, хотя умные женщины изобразают подчинённость ему, вот и она, глядящая из-под белой пушистой шапочки серыми, непритворными глазами, отгоняющая от них снежинки огромными, наивными ресницами, сводящая с ума вырезными губами, которых он уже однажды коснулся, которые склонялись к нему и шептали торопливые, стыдливые слова покорности и верности, чего тебе ещё надо — тебя любят, тебя ценят, тебя понимают, твоё сердце бьётся, конечно, ненормально, торопливо, ускоренно и, конечно, доколотится до вечного отдыха скорее, чем с женой, но ведь зато — жизнь радостей и взлётов, парения над бытом, разве случайно все эти дни звучит в тебе классика Моцарта, Чайковского, Глинки, Мусоргского, Свиридова, ой, как лицо горит, видимо, от этих противоморщинистых мазей, дай умоюсь снегом, писал же на снегу её имя, вспоминаю юность и стояние под окном и другие имена, и, особенно, светлое, надёжное имя жены, а потом была долгая, мгновенная жизнь, в которой утверждался, что-то хотел свершить, падал, вставал, надеялся, отчаивался, стискивал зубы, уходил в одиночество, выходил в люди, страдал, снова надеялся, верил обещаниям и сам обещал, и наивно думал, что это ты что-то делаешь и свершаешь, а это была жена, её поддерживающая сила, сила, всё истончающая, её усталый понимающий взгляд, её виноватость за неспособность, её изношенность, а он посмел сердиться, хотеть от неё любви, он, чья остающаяся мужская сила сохранилась благодаря жене, и вдруг возмечтал о любви к юной красавице, которой тоже возмечталось соединить свою свежесть с его мудростью и крепким стоянием на земле, вот ведь что, вот ведь какая закавыка — не целовать ему увядших уст жены и не касаться алых губ любовницы, хотя в слове любовница корень любовь, нет, всё прошло, и хорошо, что прошло, или ты хочешь всё снова: слёзы, нищету, нервы, вырастающих в другом времени надменных детей, нет у тебя, братишечка, сил, и хорошо, что нет, иди домой..., а куда домой, ты из дома ушёл, от детей ушёл, от жены ушёл, а от любви не уйти, но впрочем, опять же, тем же концом по тому же месту — какая любовь: смятение чувств, сумасшествие, сдвиг по фазе, удар светом в открытую из темноты дверь, вопрос в том, что от себя не уйти, можно и от любви уйти, сказав себе: а ты забыл, что давно не был на исповеди, какая тебе любовь, тебе, венчанному, ада не боишься, надеешься, что добрые дела зачтутся, спасут, ну-ну, надейся, а, не хочешь погибели, нет, не хочу, но вот как ещё можно рассуждать: ведь я ещё многое должен сделать во славу Божию, во славу России, и в каком же я состоянии больше свершу — в замордованном или в атмосфере понимания, уважения, любви, больше ведь работаю, больше, да, но лучше ли, или ты уже в такой гордыне, что всё тобою делаемое самое важное, да, не мог смотреть на гибель «оборонки», но обязан был смотреть, хоть и в штатском, а офицер, хоть и в НИИ, но оборонном, уже и запытал от отчаяния, жена ругалась, но что жена, чем компенсирует то, что начальство стало шестерить перед НАТО, подмахивать Западу, не один я такой, что коньяк в сейфе держал, а последнее время и водчонка была, и пиво, и вино — всё годилось, чтоб залить печаль, и вот тогда-то она и подошла, юная такая, вся

статная, с косой, что вообще уже было так по-русски, что сбивало с толку, может, телевизор не смотрит, поэтому и сохранилась, конечно, только поэтому, подошла, краснеет, а румянец на девичьих щеках — это как заря спасения, что ещё не всё добились в нас, что есть ещё целомудрие, подошла именно в минуту, когда он двигался к выходу с единственной примитивной целью — добавить к выпитому ещё порцию; а его оказывается знала ещё её мама, ну ещё бы, он же уже ископаемое, смерть Сталина помнит, а её мама, небось, при Хрущёве родилась, а уж ты, миленькая, ещё и вовсе дитёнок, но дитёнок этот отчаянно объяснился в любви, потому что, оказывается, она знает его пять лет, а увидела, когда он к ним в патентное бюро пришёл, а она ещё была дипломницей, а он ей тогда, как и маме её, очень понравился, вот и всё, что ей было сказать, и осталось только снова краснеть и дёргать пуговку на кофточке и вдруг, потупясь, уйти и в следующее время не встречаться ему, но почему-то же он в тот день не стал добавлять, а через три дня набрился, намылся, надел пиджак в тон её кофточке и придумал причину зайти в патентное бюро, а она там, а она весёлая и приветливая, и совсем не в тон кофточке, ну да, они же каждый день в новом, а она спрашивает, правда ли, что наши «Бураны» могут взлететь с воды и не секрет ли это, и он отвечает, что это, конечно, секрет, но что, конечно, взлетают, а зачем это ей, американцы уже не купят, у них повсюду платные информаторы, ну вот, поговорили, уходи, а как сказать, а что сказать он хотел, хотел увидеть, вот и он чувствует, что краснеет, вот и он неловко и неуклюже уходит, и что теперь — дежурить у входа, но смешно же: седой, старик почти, ждёт девочку, стыдно же в такие годы быть мальчишкой, но как остро захотелось делать глупости, кинуть снежком в окно, написать имя на снегу, купить цветы и послать как от таинственного незнакомца, но ведь всё это уже было, и не уловки ли лукавого подстрекают к тому же, уходи, брат, во тьму вечера, горбись в пивной над пластмассовым бокалом с мутным разрекламированным пойлом, налейся им, бреди по снежной грязи и глаз не поднимай — не смотри на позор и ужас Отечества, захваченного чужебесием, в котором, кажется, не только не осталось любви, но что её и вовсе тут не было, и опять зайдя ещё в одно заведение, опять сяди и пей, да ещё хоть что-нибудь съешь из пакета, какой-нибудь западный комбикорм, который не ест даже бездомная собака, лежачая в сырлом углу и страшащая того, что скоро её выпинают, — вот, брат, какая же ты собака, которой осталось только одно — дожить срок, и всё, а ты вот ещё умудрился влюбиться и возмечтать о счастье понимания и женской красоте, уходи, но он не учёл, что не только он один хотел встречи, что и она была такой же железной опилочкой, что и он, которую так же тянуло магнитом уже общего их чувства, она выбежала из проходной за секунду до его ухода, и вот уже идут вместе, вот поскользнулась, надо под руку взять, в конце концов подумают, что дядя племяннику или отец дочку ведёт, вежливость, в конце концов, Конституция не запрещает даму под руку поддерживать на опасном месте, а закончилось одно опасное место, скоро и другое, тут и ступеньки, тут и музей, тут и выставка русского портрета, ну как не зайти, интересно же, зашли и стали смотреть, какие же красивые, умные, одухотворённые лица, теперь таких нет, как нет, возразила она, у вас ничуть не хуже, вы такой красивый, я всегда любовалась, спокойно говорит, а его в жар бросает, а у него ботинки не очень блестящие, а у него стрелки на брюках не очень обозначены, ладно, есть же вежливость, что ж старичку доброе слово не сказать, а он в ответ возьми и брюки, что все эти красавицы и красавцы, которые смотрят из прошлого, все они уже... как сказать, в сырой земле, всех их нет уже, ну да, были, были, но вот так и все мы уйдём, да, не сразу, вам, ну хорошо, тебе, тебе ещё жить и жить. А мне пора собирать пожитки, да

нет, не утешай, какой расцвет, да неужели же мужчины моего поколения — последние, кого можно любить, говорил, а сам уже открыто любовался ею, о, как спокойно и весело она выдерживала конкуренцию с красавицами на портретах, была много прекраснее их, ещё бы — живая, а ресницы какие, а глаза, глаза и заботливые, и ласковые, и уже смелые и даже... даже и слова не сыскать, подстрекающие к смелости, так, что ли, непонятны женские глаза, никогда не подбирал эпитетов, не дело это конструктора оборонной техники, это пусть писатели пишут, поэты сочиняют, но ведь не одним же поэтам любить, они и так довольно навредили нам в своих трудах, заглянут, например, понимаешь, а перед женой стыдно, давай её воспевай, так же и художник преувеличивает красоту, льстит, женщине и лестно, и думает, что и в самом деле такая, да нет, я не насмешливый, проще же всё, а что проще, проще то, что полюбил и всё, то есть, по-русски говоря, вторился, въехал и не выехать, а потом опять улица, отказ от «посидеть» в ресторане, от кафе, пивную не предлагал, поехал провожать и вот, в подъезде, как студент, набросился с объятиями и поцелуями, всё было так внезапно, откуда взялась такая решимость, что-то, видно, без их участия готовилось и заявило о себе, а сердце как билось, а что там бормотал, что она бессвязно шептала, ничего не вспомнить, и какие там годы, когда так больно и сильно, и смело обнимала она, и когда он вышел в заснеженный двор и лягнула за ним чёрная железная дверь, оказалось, что уже полночь, что ему уже всё равно, полночь или полдень, он понял, что жить без неё уже не сможет, как и она без него, такие дела, а жена представилась как человек, которого надо выпустить из клетки, в которой она билась всю жизнь, оставить ей всё, что нажито, он ещё наживёт, стоп, ничего он уже не наживёт, его уже скоро попрут из НИИ, нуждаются не в нём, в его голове, уже намекали, что переведут на договор, а это такое унижение — ждать договора, лучше он пошлёт им по почте свою умную голову, всё равно он её уже потерял, всё равно она мыслит только об одном, как бы упасть в её колени, во власть её рук, покорствовать ей во всём, потакать, удивлять и радовать, жить только ею, но уж в ответ ждать, даже требовать, чтоб только о нём одном она думала, им одним жила, строила любые свои планы только с учётом его присутствия в её мире, его одного ждала, молилась и на него, и за него, разве много он хочет за то, что всё бросает к её ногам, да даже и не надо этого чувства власти над женщиной, уже одно то, что он оказался способен к любви, к просыпанию среди ночи, учащённому биению сердца — это ли не награда тебе, седой юноша, и пусть немного тебе осталось, гори костром, она будет тебе верна, не ты ли сказал ей, что тебе безразлично, кто у неё был до тебя и кто будет после тебя, лишь бы при тебе был только ты, тем более, ты ни у кого её не отнимаешь, она тебя любит уже давно, а жена, а жена, что, брат, буксуешь, скажешь, что жена — прочитанная книга, окончательный текст, так что ли, да нет, не так, вот интересное русское сочетание: «да нет», тут что да, что нет, неясно, а ясно одно — надо звонить, надо жить дальше, хотя есть и третий выход — уйти от обеих, уйти вот в этот переулок к далёкой светлой точке пивной, уж там-то явно люди тебя понесчастнее, у них проблемы посложнее, а у тебя в двух местах постели с чистыми простынями, ну, так чего, будешь звонить, и кому: жене, что погорячился, или ей, чтоб высказывала из подъезда и кидалась на шею, нет, походи ещё по тропинкам, обнажи шальную голову, умойся тёплым снегом и думай, голова, думай, среди этой погоды, неверной и непостоянной, как всё сейчас в этом мире, — но почему всё, а любовь, любовь постоянна, — всё рушится: оружие, власть, деньги, идеология, а любовь в ответ на все эти крушения только крепчает, и та, что выдержана временем, и та, что ещё только начинается, звони, скорее звони...

Немец под вопросом

Знаете, что такое изысканное чувство юмора настоящего немца? А пробегите глазами книгу Генриха Дика «Немец под вопросом», пройдите душой, вдруг да и зацепится внимание на том, где снисходительно подумалось, помечталось или вздохнулось автору.

Знаете? Настоящий немец, пусть даже и юморист, в сущности своей истинный философ. Это как настоящая принцесса — сколько тюфяков ни стели, непременно обнаружит под толстым слоем разных помех крошечную горошину истины. Той истины, сокрытой за множеством смыслов или вымыслов, грусть за юмором, беззащитную чистоту благородного сердца, спрятанную за неприглядностью быта, улыбку Бога в слезе иммигранта.

Непререкаемые постулаты, что Великая Германия должна быть едина, что все немцы из России непременно должны переехать под её теплое крыло, разбивается о вопрос: а так ли холодна была к ним мачеха-Россия, если что ни улыбка, то скрытая рана, что ни достоинство новенькой Родины, то душевное преодоление.

Знаете? Только настоящий немец не хочет войны, потому что тысячи раз в отличие от нас, русских, покаялся перед распытием

за грехи всего народа. Он так же, а может больше, чем мы, любит цветы, собственную семью, сентиментально относится к детям, родителям. Дорожит крошечным своим садиком... Но не менее те, кто из настоящих немцев прибыл в Германию, берегут в сердце ту огромную, ту бездорожную, бесшабашную Россию, и она будет жить в них всегда, потому что оказывается истинным потерянным раем, потому что там осталось равновесие души.

Великолепные писательские находки в зарисовках «Шляпный юбилей», «Русский дождь» и другие приведут эстетов читательского мира в восторг. Книга будет приятна не только тем постсоветским немцам, украинцам, евреям, арабам и т.д., кто иммигрировал, собирается иммигрировать, или тем, кто общается в среде иммигрантов, но и широкому кругу читателей.

Сборник изобилует яркими метафорами, подобно драгоценным камешкам они всегда к месту украшают каждую из новелл книги. «Когда женщины увидели золото, глаза их запылали, точно в них влили хорошую порцию бензина, а потом подожгли... «Я пел им осанну, и они и впрямь почувствовали себя ангелами и архангелами, спустившись с небес».

Генрих Дик — автор со своим личным почерком. Можно, конечно, провести параллель с Гашеком или Зоценко, но тут другая система ценностей и другой, интеллектуальный, взгляд на мир. Его книги выходят на русском и немецком языках. Это не только юморески, но и рассказы, детективы, стихи, сказки, пьесы. Не сомневаюсь, после прочтения их вы отнесёте Генриха Дика к собственной коллекции любимых авторов.